

© 2005 г. В.Ю. ГУСЕВ

ТИПОЛОГИЯ НЕРЕГУЛЯРНЫХ ИМПЕРАТИВНЫХ ФОРМ*

В статье на материале большого количества языков рассматриваются случаи нерегулярных форм императива. Показывается, что нерегулярно в разных языках выражаются в основном одни и те же значения – это, прежде всего, ‘иди сюда’, ‘уйди’, ‘дай мне’ и ‘на, возьми’ во 2-м лице и ‘пойдем’ в 1-м лице мн. ч. Помимо того, что этот список значений постоянен, он специфичен только для императива. Наконец, те же значения характерны для императивных междометий. Объяснять нерегулярность этих значений в императиве предлагается исходя из того, что они представляют собой элементарные способы взаимодействия между двумя людьми: установление контакта, прекращение контакта и передачу некоторого предмета от говорящего к слушающему или наоборот.

1. ВВЕДЕНИЕ

Наша статья посвящена встречающимся во многих языках нерегулярным (в широком смысле слова – вплоть до супплетивизма и дефективности) формам императива. Сама по себе формальная нерегулярность, т.е. образование тех или иных форм не по стандартным для данного языка правилам, разумеется, не является чем-то необычным или, тем более, специфичным для императива – нерегулярные (в учебниках чаще называемые “неправильными”) формы можно найти едва ли не в любом языке (хотя языки, очевидно, сильно различаются по количеству имеющихся в них нерегулярных форм). В общем, известны и значения, чаще других использующие нерегулярные формы в своих парадигмах; так, из существительных среди наиболее типичных можно назвать значение ‘человек’, множественное число которого часто бывает супплетивным (ср. хотя бы русское *люди*), а среди глаголов лидером по количеству языков, в которых оно имеет нерегулярную парадигму, по-видимому, окажется значение ‘быть’ (см. [Hippisley et al. 2004: 412–414]), а также, с некоторым отставанием, ‘иметь’, ‘идти’ и др.

Нам известна только одна работа, специально посвященная нерегулярным императивам (в афразийских языках), – это статья Д. Коэна [Cohen 1984] (как мы увидим ниже, результаты Коэна полностью совпадают с нашими, полученными на более широком материале). Между тем, императив в данном отношении интересен в двух – разумеется, связанных – аспектах. Во-первых, формы императива часто бывают единственными нерегулярными формами в парадигме либо (в нерегулярных парадигмах) более нерегулярными, чем прочие формы. Во-вторых, императив имеет свой, особый список значений, которые в разных языках выражаются нерегулярно (отметим, к примеру, что значение ‘быть’ в этот список не входит).

Демонстрации этих двух тезисов и посвящена настоящая работа. Кратко проиллюстрируем их здесь.

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 04-04-00111а. Мы выражаем здесь свою благодарность всем, кто помогал нам консультациями по отдельным языкам, – А. Гаспаряну, И. Границу, А.Д. Луцкову, М.Э. Чумакиной.

А. Особое положение императива в парадигме. В венгерском языке значение ‘venige’ (‘идти к говорящему’, ‘идти сюда’)¹ выражается глаголом *jön*, который сам по себе нерегулярен: ср. основы 1 и 2 л. настоящего времени *jöv-*, всех лиц прошедшего времени *jö-tt*, императива/конъюнктива *jöj-j-*. Одновременно с этим во 2 л. и в 1 л. множественного числа императива употребляется супплетивная основа *gyer-*. Как видно, даже в нерегулярной парадигме венгерского глагола *jön* императив выделяется своей “еще большей” нерегулярностью (см. о “большей” или “меньшей” нерегулярности в разделе 2; более подробно о венгерском языке в разделе 3).

Б. Особый список значений, нерегулярно выражаемых в императиве в разных языках. Мы не знаем других граммем (ни глагольных, ни именных), которые типологически были бы похожи в этом отношении на императив, т.е. формировали бы особый типологически устойчивый список значений, для которых они выражаются нерегулярно. Для примера приведем данные из Базы данных по супплетивизму, созданной в университете Суррея (www.smg.surrey.ac.uk/Suppletion; см. об этом проекте [Hippisley et al. 2004: 389–392]). Мы проверили, для каких значений выражаются супплетивно несколько самых распространенных глагольных граммем; результаты приведены в табл. 1 (цифры в скобках указывают количество языков, если их больше одного):

Таблица 1

Прошедшее время	Будущее время	Настоящее время	Отрицание	Императив
быть (5)	быть (4)	быть (7)	быть (4)	venige (5)
идти (2)	давать	venige (2)	находиться/иметь	идти (2)
говорить	говорить	идти	быть тяжелым	быть
делать	приходить	давать		находиться/иметь
намереваться	сидеть	говорить		давать
		сидеть		есть
		смотреть		говорить
				протыкать
				слышать
				пить

В этой базе данных учитываются только супплетивные формы, рассмотренные на материале около 30 языков (причем супплетивизм понимается несколько иначе, чем у нас; см. раздел 2). Тем не менее уже здесь видны различия между императивом и остальными грамматическими значениями, хотя бы на примере “лидеров” – ‘venige’ в императиве vs. ‘быть’ во всех прочих формах.

В разделе 2 мы уточним необходимые понятия и критерии, которыми мы пользовались при отборе материала (в частности, понятия “нерегулярности”, “супплетивизма” и др.). В разделе 3 будет представлен имеющийся у нас материал, полученный на выборке из примерно 200 языков (выборка основана на списке, используемомся в проекте “World atlas of linguistic structures” [Dryer et al. (eds.) 2003], с некоторыми заменами). В разделе 4 мы сведем этот материал воедино и попытаемся дать объяснение полученным результатам.

¹ Здесь и ниже мы пользуемся латинскими глоссами “venige” и “ige” для различения глаголов, означающих движение к говорящему и от говорящего соответственно (как будет видно ниже, их противопоставление важно для нашей темы). Русскую глоссу “идти” мы используем, если рассматриваемый глагол не различает направления движения.

2. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

2.1. Императивы. Говоря об императивах, кратко объясним, что именно мы имеем в виду (в более подробном объяснении нет необходимости, поскольку формы, которые будут упоминаться здесь, трактуются как императивные практически всеми исследователями).

Значение императива мы толкуем следующим образом: “говорящий, фактом своего высказывания, пытается каузировать выполнение искомого действия”. Мы оставляем здесь в стороне дискуссионный вопрос о том, следует ли включать в понятие императива формы 3 л., не включающие собеседника в число исполнителей искомого действия (см. дискуссию об этом в [Храковский, Володин 1986: 13–16]); в нашем материале встретились только нерегулярные формы императива 2 л. и 1PI. Более подробно о теории императива и связанных с ним проблемах см. прежде всего [Храковский, Володин 1986; Бирюлин, 1992: 115], а также многие другие работы.

2.2. Виды нерегулярности. Под нерегулярностью (неправильностью) в широком смысле мы понимаем любые случаи, когда форма той или иной лексемы образуется не по стандартным для данного языка правилам – вне зависимости от того, уникальна ли в этом отношении данная лексема или существует небольшой и закрытый список других лексем, сходных с данной. (Соответственно, существуют нерегулярные лексемы – те, которые содержат в своих парадигмах нерегулярные формы.) Нерегулярными, например, являются русские глаголы *сесть* (с настоящим временем *сяду*); существуют другие глаголы с таким же чередованием гласной в корне: *лечь – лягу*), *взять* (с настоящим временем *возьму*), *идти* (с прошедшим временем *шел*) и т.д. Строго говоря, нерегулярность, разумеется, – это не свойство формы, а отношение между формами (например, основы *сед-* [*сесть, сел* и т.д.] и *сяд-* [*сяду, сядь* и т.д.] соотносятся между собой нерегулярным образом), т.к. нет разумного способа установить, какую из этих основ следует на синхронном уровне считать исходной, а какую – нерегулярно от нее образованной. Именно такая, более корректная терминология принята, в частности, в упомянутом выше проекте по типологии супплетивности. Однако в случаях, когда форм, образуемых от одной основы или по одному типу, существенно больше, чем форм, образуемых от другой основы или по другому типу, появляется искушение называть нерегулярными только вторые. Так, у русских существительных мужского рода, имеющих нулевое окончание в родительном падеже множественного числа (типа *солдат, ботинок* и др.), только эта последняя форма обычно считается нестандартной². Поскольку, как будет сказано ниже, в этой работе мы рассматриваем только те случаи, когда именно императив отличается от всей остальной парадигмы, подобное не вполне точное, но зато интуитивно очень понятное словоупотребление кажется нам вполне уместным, и мы будем говорить ниже именно о нерегулярных императивах.

Мы различаем три подтипа нерегулярности: собственно нерегулярность (в узком смысле), супплетивность и дефектность.

О нерегулярности в узком смысле (в дальнейшем мы в основном будем употреблять этот термин именно так) мы будем говорить, если основы рассматриваемых форм сохраняют какое-то сходство друг с другом; на деле – когда эти основы этимологически родственны (если, конечно, их этимология вообще известна). Супплетивными мы будем называть этимологические разные основы, “втянутые” в одну парадигму. (О дефектности будет сказано ниже.)

Легко заметить, что наше понимание нерегулярности и супплетивности отличается от принятого – в частности, от классического определения И.А. Мельчука (см., напри-

² Для так называемых разносклоняемых глаголов (типа *хотеть*), у которых половина форм настоящего времени образуется по первому спряжению, а половина – по второму, аналогичного решения по понятным причинам не принимается, и нерегулярной считается “вся” лексема.

мер, [Мельчук 2001: 419–445]), который называет супплетивными те формы, соотношение между означающими которых абсолютно уникально для данного языка (а соотношение между означаемыми, напротив, полностью регулярно). Мельчук, последовательно применяя свое определение, считает супплетивными и этимологически родственные формы, фонетическое соотношение между которыми с течением времени стало уникальным [Там же: 423–424]. Для нас здесь, однако, представляют особый интерес случаи выражения императива этимологически неродственными основами; поэтому соотношение между этимологически тождественными, но разошедшимися корнями мы будем считать не супплетивизмом, но “простой” нерегулярностью.

Возвращаясь к приведенному выше венгерскому примеру, заметим, что Мельчук, по-видимому, счел бы в равной степени супплетивными и основу *jöjj-*, и основу *gyer-*. Однако даже если не знать их этимологии, очевидно, что вторая “более нерегулярна”, чем первая, сильнее противопоставлена всем прочим основам этого глагола, чем те противопоставлены между собой. (Можно было бы, разумеется, называть это “большей” и “меньшей” или “сильной” и “слабой” супплетивностью, как делается, например, в [Carstairs-McCarthy 1994: 441].)

Нерегулярность (в узком смысле) может быть очень разной; помимо отличий в основе или нестандартных окончаний это может быть нестандартное чередование, дополнительный аффикс или необычное употребление частиц – любое отличие от стандартных способов образования рассматриваемой формы (в нашем случае – императива), принятых в данном языке. В испанском языке, например, форма императива 1P1 обычно совпадает с 1P1 конъюнктива, и только у глагола *ir* ‘идти’ эта форма совпадает с индикативной – этот случай мы также считаем примером нерегулярности.

Третий подтип нерегулярности – это дефектность. В нашем случае речь идет о глагольных основах, имеющих только императивные формы. Так, например, в корейском языке существует корень *тал-* ‘давать’, образующий регулярные императивные формы *та-о*, *тал-ла*, *та-го* (см. подробнее ниже), но не употребляющийся нигде более; при этом нет другого корня, с которым *тал-* находился бы в дополнительной дистрибуции (в противном случае мы говорили бы о супплетивизме). Такие дефектные основы также достаточно характерны для императива.

Мы считаем, что нерегулярность возрастает – от просто нерегулярных (в узком смысле) форм к супплетивным и от супплетивных к дефектным.

2.3. Глагольные императивы и императивные междометия. В связи с дефектными основами возникает проблема разграничения подобных дефектных основ и разного рода междометий с императивной семантикой. Из приведенного выше определения императива никак не следует, что императивы могут быть только глагольными. Междометия типа *вон!* или *на!* также имеют императивную семантику, поскольку произносятся с целью каузировать слушающего совершить определенное действие (в данном случае – уйти или взять что-либо). Часто такие междометия имеют и глагольные черты. Так, *на* имеет множественное число *нате* и может управлять прямым объектом (*на ложку*); с другой стороны, *на* не может, например, сочетаться с субъектным местоимением (**ты на* в отличие от *ты возьми*).

Отсюда видно, что четкой грани между дефектными глагольными императивами и императивными междометиями провести невозможно. С другой стороны, проводить ее и не следовало бы, поскольку – что очень важно – список возможных значений императивных междометий в общем совпадает со списком возможных значений нерегулярных (в широком смысле, в том числе и дефектных) императивов; достаточно сравнить значения русских императивных междометий со списком значений нерегулярных императивов, приведенным в разделе 4 этой статьи. Императивные междометия можно рассматривать как крайний случай нерегулярности, как дефектные императивы, у которых нет не только остальной части парадигмы, но и большинства или вообще никаких глагольных признаков.

Однако не для всех языков у нас есть полный список императивных междометий. В основном по этой причине здесь мы ограничиваемся рассмотрением только гла-

гольных императивов, отделяя их от междометий по наличию специфически глагольных черт – таких, как изменение по лицам и числам или способность сочетаться с прямым дополнением. Так, мы исключаем из рассмотрения русское *эй!*, однако включаем форму со сходным значением в языке лахота (см. в разделе 3). Повторимся, что подобные решения всегда в большой степени условны.

2.4. Принципы отбора материала. При отборе материала мы руководствовались следующим основным принципом: императивные формы, которые мы включаем в наш список, должны быть более нерегулярны, чем все прочие формы того же глагола; иными словами, они должны быть формально противопоставлены всей остальной парадигме. Это могут быть единственные нерегулярные формы во всей парадигме; либо, если другие формы также нерегулярны, императивные должны отличаться от них каким-либо дополнительным свойством (например, дополнительным чередованием) или быть единственными супплетивными; наконец, они могут иметь какие-то отличия в употреблении (в разделе 3 есть примеры на все эти типы). Поэтому, например, мы не рассматриваем здесь формы типа русского *сядь* или венгерского *jöjj* ‘иди сюда’: они, несомненно, нерегулярны, но не в большей степени, чем другие формы тех же глаголов. Напротив, венгерские формы от основы *gyer-* включаются нами в рассмотрение, потому что они противопоставлены всей остальной парадигме.

3. НЕРЕГУЛЯРНЫЕ ФОРМЫ ИМПЕРАТИВА

Нерегулярные (в широком смысле) формы императива настолько разнородны в различных языках, что представляется интересным привести целиком весь имеющийся у нас материал.

Арабский (Марокко) [Caubet 1993: 89]: глагол *ža* ‘venire’ имеет нерегулярные императивные формы 2Sg.m *āži*, 2Sg.f *āži*, 2Pl *āžiw*. Про две другие основы (2Sg.m *āra*, 2Sg.f *āre*, 2Pl *āraw* ‘давать, передавать’ и 2Sg.m *sir*, 2Sg.f *siri*, 2Pl *siru* ‘уходить’) говорится, что они не имеют не-императивных форм. Показатели рода и числа во всех случаях регулярны.

Армянский ([Козинцева 1992: 131] и А. Гаспарян, личн. сообщ.): основа *gal-* ‘venire’ образует супплетивные формы 2Sg императива *ari* и *ek* (вторая – диалектная). 2Pl имеет только один вариант – *ekək* (с регулярным суффиксом 2Pl императива *-ek*). Регулярного императива от основы *gal-* не образуется. Помимо этого, не вполне регулярным образом образуются императивы от глаголов ‘взять’, ‘положить’, ‘встать’, ‘есть’, ‘оставить, пустить’, ‘идти’, ‘смотреть’ и др.

Бразильский [W. Jones, P. Jones 1991: 39]: существует форма *ita* (помещенная самими авторами в раздел, посвященный междометиям): “*Ita!* ‘let’s go!’ is an imperative interjection used when the speaker expects the hearer to begin to go before him”.

Буршаски [Lorimer 1935: 291]: имеется несколько дефектных императивных основ: а) *ga*, мн. ч. *gai.in* ‘возьми’; б) *ya*, *yaiye*, мн. ч. *ya[∇].in*, *yai.in* ‘замолчи’; в) *lčo*, мн. ч. *lčo.in*, *ačo[∇].in* ‘подожди’ (на самом деле это основа существительного со значением ‘delay, time’, которая в этом значении может присоединять суффикс императива мн. ч. *-in*); г) *go[∇].n*, *go[∇].in*, *gun*, *go[∇].na* с не вполне ясным значением; употребляется только во множественном числе, в примерах переводится как ‘идите’ или ‘пойдемте’.

Вардман [Merlan 1994: 181–183]: глагол со значением ‘дать’ – единственный, который при наличии адресата не-третьего лица не имеет особой формы императива; вместо нее употребляется настоящее время (т.е. не существует формы ‘дай мне’; вместо нее используется ‘ты мне даешь’).

Вари [Everett, Kern 1997: 38]: нормально глагольная форма образуется сочетанием основы и показателя лица-числа-времени. Единственный случай, когда основа и суффикс стягиваются, – это форма *taji* (из основы *tama* ‘идти + мн. ч. субъекта’ и суффикса *-xi* ‘1Pl.incl, “реальное будущее время”’). Форма означает ‘пойдем’.

Венгерский [Lotz, 1939: 142; Балашша, 1951: 273, 279]: глагол *jön* ‘venire’, наряду с императивной основой *jöj-j-*, имеет супплетивные формы 2Sg *gyere*, 2Pl *gyer-tek*,

1PI *gyer-ünk*. Окончания 2PI и 1PI регулярны. Конечное *-e* в 2Sg *gyere*, по-видимому, является частью основы, которая выпадает в других формах (такое выпадение уникально для императивных форм; впрочем, существует устаревшая или диалектная форма *jer* без конечного *-e*). Эти формы также не имеют обычного суффикса императива *-j*.

Й. Лотц приводит еще несколько “диалектных или детских” нерегулярных императивных форм: *no-sza* ‘давай!, вперед!’, *ad-sza* ‘дай ему!, врежь!’, *ne-sze* ‘на!, возьми!; ешь!’, *ne-sz-tek* “то же” для мн. ч., *jer-sze* ‘иди сюда!’; *jöszte* ‘иди сюда!’; *ládd* ‘смотри!’. Формы на *-szal/-sze* образованы от междометий *no* ‘ну’ и *ne* ‘на’, глагольного корня *ad-* ‘давать’ и упоминавшейся выше основы *jer-/gyer-*. Суффикс *-szal/-sze* восходит к показателю 2Sg индикатива *-sz* + указательное местоимение *e(z)* ‘этот’, с дальнейшей сингармонизацией (см. [Benkő 1993, s. v. *ne, noszal*]; там же упоминаются еще некоторые глаголы, употребляющиеся с этим суффиксом). *Jöszte* образовано из 2Sg индикатива *jössz* ‘ты идешь сюда’ плюс *-te* – вероятно, также указательная частица. *Ládd* – просто ассимиляция из регулярной формы 2Sg объектного спряжения *lás-d* ‘посмотри на это’.

Й. Балашша упоминает формы *ered-j* ‘иди, убирайся!’, *ered-je-tek* то же для мн. ч.; эти две формы сами по себе полностью регулярны, но основа не употребляется нигде более.

Г р у з и н с к и й [Vogt 1971: 196]: у всех глаголов императив равен 2 л. аориста или субъюнктива, отличаясь только интонацией: *dač'ere* ‘ты написал это; напиши это’. Только у корня *ved-/vid-* ‘venire’ есть собственные формы императива, ср. 2Sg аориста *moxvedi* vs. 2Sg императива *modi* (< **mo-ved-i*); 2PI аориста *moxvedit* vs. 2PI императива *modit* (< **mo-ved-i-t*). То же у приставочных глаголов с этим корнем: *čamodi* ‘спускайся сюда’, *gamodi* ‘выходи’.

З у л у [Doke 1927: 154; van Eeden 1956: 240]: односложные глаголы образуют императив 2Sg префиксацией *yi-* либо (реже) суффиксацией *-na*; формы 2PI добавляют суффикс *-ni*. Глагол *-za* ‘venire’, наряду с правильными, но неупотребляемыми формами *yiza, zana*, имеет нерегулярные формы 2Sg *woza*, 2PI *wozani* ‘иди(те) сюда!’. С отрицанием эта основа не используется – прохИБитивная конструкция образуется, как и от прочих глаголов, вспомогательным глаголом *musa* + инфинитив: *musa(ni) ukuza* ‘не приходи(те)’³.

И г б о [Green, Igwe 1963: 68–73]: специализированные императивные формы без суффиксов и без объектных местоимений звучат грубо; исключения составляют несколько глаголов: ‘ire’, ‘venire’, ‘сказать’, ‘показать’, ‘смотреть’, ‘входить; схватывать’.

И р а к в [Mous 1992: 165]: две основы имеют особенности в образовании императива. Основа *qwal-* дефектная, употребляется только в императиве 2 л. и 1PI и означает ‘иди(те) сюда’ и ‘пойдем’. Основа *xaw-* ‘venire’ образует императив 2Sg нерегулярно, с показателем прямого объекта *-eek*: *xaweeek*, хотя сам глагол, разумеется, непереходный.

И с п а н с к и й: императив 1PI всегда совпадает с соответствующей формой настоящего времени конъюнктива (*presente de subjuntivo*). Единственное исключение – глагол *ir* ‘идти’, 1PI императива от которого равно настоящему времени индикатива: *vamos!*

К а н н а д а [Sridhar 1990: 31–32, 238]: глаголы *bar-* ‘venire’, *tar-* ‘принести’ и некоторые другие (к сожалению, не перечисленные в грамматике) имеют нерегулярные императивы: *ba:* (2Sg), *banni* (2PI) ‘иди(те) сюда’, *ta:*, *tanni* ‘принеси(те)’.

К а п а у [W. Oates, O. Oates 1968: 47–50]: есть небольшие нерегулярности в образовании императивных основ от глаголов ‘come’, ‘put bark cape on’, ‘come by going level’, ‘come by going up’ и ‘come by going down’.

³ В зулу есть еще глагол *-fika*, также означающий движение к собеседнику; императив от него регулярен (*fika!*) и менее употребителен, чем от *-za*. Последнее, вероятно, объясняется разницей в значении: *fika* имеет более общее значение ‘прибывать’, ‘приезжать’ и т.д., в то время как *-za* значит скорее ‘подходить’ (А.Д. Луцков, личн. сообщ.).

Ко а с а т и [Kimball 1991: 292, прим. 2]: глагол *há:lon* 'to hear, to listen' имеет супплетивный императив *máh* 'listen!'; последняя форма не имеет показателей лица.

К о б о н [Davies 1981: 23]: два глагола образуют императив не вполне обычным образом: *ar* 'go' всегда употребляется с указательным маркером *-u* 'there', а *au* 'come' требует звательной частицы *-e*. Мы не видим здесь неправильной или супплетивной основы, или особого показателя императива, но отклонения в образовании императивных форм у этих двух глаголов очевидны.

К о р е й с к и й [Холодович 1954: 132–133]: “интимный”⁴ императив образуется суффиксом *-ra*. Однако шесть глаголов, а именно *ка-да* ‘идти’, *на-да* ‘появляться’, *ча-да* ‘спать’, *ант-та* ‘садиться’, *нуп-та* ‘ложиться’, *ит-та* ‘быть’, а также сложные с ними, образуют эту форму с помощью суффикса *-кэра*⁵: *ка-гэра* ‘иди!’, *ит-кэра* ‘будь!’ и т.д. *Ант-та* ‘садиться’ и *нуп-та* ‘ложиться’ допускают также регулярное образование: *анк-кэра* // *анчжа-ра* ‘садись!’, *нуп-кэра* // *нуэ-ра* ‘ложись!’⁶.

Также нерегулярен глагол *о-да* ‘venire’ (и сложные с ним): он принимает суффикс *-нэра*: *о-нэра* ‘приходи!’.

Хотя регулярный суффикс *-ra* образует как 2 л., так и 3 л. императива, его нерегулярные корреляты используются только во 2 л.; 3 л. образуется регулярно: *ка-ра(го)* ‘скажи, чтобы шел’, *о-ра(го)* ‘скажи, чтобы пришел’ и т.д.

Наконец, существует основа *тал-* ‘дать’, употребляемая только в императиве для 2-й (“вежливой”) и 4-й (“интимной”) ступеней вежливости: *та-о* (2-я ступень), *тал-ла* (4-я ступень).

К р о н г о [Reh 1985: 198]: глагол ‘идти’, нормально имеющий основу *-yááw*, по крайней мере в одной из императивных форм выглядит как *-ín*.

К у н а м а [Bender 1996: 34–35]: два глагола, со значениями ‘входить’ (‘enter’) и ‘идти туда’ (‘go there’), имеют супплетивные формы императива. У глагола ‘venire’ императив нерегулярный (но, насколько можно понять, не супплетивный⁷).

Л а х о т а [Boas, Deloria 1941: 112]: основа *ho* употребляется только с императивными показателями для “привлечения внимания” (“in calling attention of someone”). Императивные показатели (частицы) в лахота различаются в зависимости от пола говорящего, числа субъекта и характера повеления (приказ, разрешение, мягкий императив [Там же: 111]). Интересно, что *ho* употребляется и с частицей приказа (*ho' na* ‘very well!’, в женской речи), и с частицей разрешения (*ho' ye* ‘now then!, very well!’, также в женской речи); о различии в значении, если таковое существует, в грамматике ничего не говорится. Сами императивные показатели, употребляемые с *ho*, стандартны, за тем исключением, что показатели разрешения в женской речи, в отличие от сочетаний с прочими глаголами, не различают числа субъекта.

⁴ В корейском языке различается пять степеней вежливости: от первой, наиболее почти-тельной, до пятой, допустимой только между детьми, а во взрослой речи оскорбительной (см. [Холодович 1954: 119–120]). “Интимной” называется четвертая, предпоследняя ступень, используемая в семейном кругу при обращении старших к младшим или хозяев к прислуге. Императив именно этой ступени обнаруживает наличие нерегулярных форм; эта же форма используется для образования 3 л. императива [Там же: 132].

⁵ Этот суффикс имеет еще одну функцию. Форма прошедшего времени на *-at* от глаголов *ант-та* ‘садиться’, *нуп-та* ‘ложиться’ и *со-да* ‘вставать’ имеет значение результирующего состояния соответствующего действия (‘сидит’, ‘лежит’ и ‘стоит’ соответственно; см. [Холодович 1954: 96–97]); *-кэра* может присоединяться к форме прошедшего времени от этих глаголов, обозначая ‘сиди!’ (*анчж-ат-кэра* в отличие от *анк-кэра* // *анчжа-ра* ‘садись!’), ‘лежи’, ‘стой’ соответственно.

⁶ Различия в основе закономерны.

⁷ Если это действительно так, то перед нами едва ли не единственный известный нам случай, когда глагол со значением ‘venire’ менее нерегулярен в императиве, чем другие глаголы.

Лезгинский [Haspelmath 1993: 129]: пять производных глаголов и четыре производных от них имеют супплетивные императивы (слева – форма масдара, от которой у регулярных глаголов образуется императив; справа – форма императива):

(1) лезгинский

<i>atu-n</i>	<i>ša</i>	'come'	<i>xtu-n</i>	<i>q^hša</i>	'come back'
<i>awu-n</i>	<i>aja</i>	'do'	<i>q^huwu-n</i>	<i>q^hija</i>	'do again'
<i>fī-n</i>	<i>alad</i>	'go'	<i>q^hfī-n</i>	<i>q^hwač</i>	c'go back, go away'
<i>gu-n</i>	<i>ce</i>	'give'	<i>wugu-n</i>	<i>gece</i>	'give (temporarily)'
<i>t'ü-n</i>	<i>ne?</i>	'eat'			

Еще ряд глаголов имеют разного рода неправильности в образовании императива; это глаголы со значениями 'attach', 'put under', 'leave', 'put', 'see', 'pull', 'take', 'die', 'hold', 'bring', 'bring back', 'say', 'carry', 'throw', 'sprinkle', 'become cold'. Другие времена и наклонения, насколько можно судить по описанию, не имеют такого количества нерегулярных форм.

Лу в а л е [Horton s. a.: 115]: существуют два дефектных императива со значениями 'come' и 'greetings to one who has just been seated'; оба регулярным образом различают ед. и мн. ч., что дает основания трактовать их как морфологические императивы.

Л а т ы ш с к и й [Endzelin 1922: 687]: в диалектах имеется несколько императивов, представляющих собой стяжения собственно глагольной формы и указательной частицы. Это (употребляющееся наряду с регулярной формой *nāc* *nāč* 'иди сюда' из *nāču* < *nāc šu[r]*) (*šur* 'сюда', ср. с. 478 той же работы); *duč(u)* 'дай (сюда)' из **duoču* < *duod šu[r]*. В памятниках засвидетельствована форма *neš* 'неси сюда' из *nes šī*; на ее основе была образована форма 2Pl *nešet*.

Л е а л о ч и н а н т е к [Rupp 1989: 94]: к основе 1Pl инклюзива присоединяется специализированный префикс. Этот "префикс" может употребляться отдельно и значить 'let's go' или 'let's do it' ("in which case the injunction is to motion or to a known activity").

М о н г о л ь с к и й [Кузьменков 1992: 76]: есть два слова, которые по традиции называют частицами, но которые употребляются как императивы и, в частности, могут сочетаться с прямым дополнением. Это *май* 'на(те), возьми(те)' и *аль // алив* 'дай(те) мне'. От регулярных императивов от основ *ав-* 'взять' и *өг-* 'дать' они отличаются, во-первых, "грубостью", а во-вторых, тем, что одним из участников ситуации обязательно должен быть говорящий (т.е. эти формы могут означать только 'возьми у меня' и 'дай мне')⁸.

М у р л е [Arensen 1982: 74]: два глагола, 'venire' и 'ire', имеют супплетивные императивы, ср.:

(2) мурле

а. <i>ija!</i>	vs. <i>k-a-kun</i>
venire.Imp	1Sg-Imperf-venire
'иди сюда!'	'я прихожу'
б. <i>bitə // эээ</i>	vs. <i>k-a-kə</i>
ire.Imp.Sg // ire.Imp.Pl	1Sg-Imperf-ire
'иди!'	'идите!'
	'я иду (ухожу)'

Как видно, глагол 'ire' также имеет разные основы для единственного и множественного числа субъекта. Из описания не ясно, насколько характерен такой супплетивизм и членятся ли как-нибудь формы *bitə* и *эээ*. Форма *ija*, как любой императив 2Sg в этом языке, представляет собой чистую основу.

Н а х у а т л ь [Tuggy 1979: 32, 83, 109–110]: глагол *-ya* 'идти' имеет нерегулярную основу *-wiya* в императиве. Кроме этого, некоторые глаголы могут использовать в каче-

⁸ Они могут заменять *ав-* и *өг-* и в составе аналитических глагольных форм, ср. *унишж өг* 'прочти кому-то' и *унишж аль* 'прочти мне' [Там же].

стве императива 2 л. чистую основу (нормально императив 2 л. образуется от основы субъектива префиксом *xi-*). Эти глаголы, к сожалению, не перечислены, указан лишь один – *wala* ‘venire’. Подобные формы используются “especially when somewhat exasperatedly addressing a child” (форма *wala!* переведена как ‘C’m’ere!/C’mop!’).

Н г и й м б а а [Donaldson 1980: 158]: нерегулярно образуются императивы от основ со значением ‘есть’, ‘делать’, ‘ходить’.

Н и в х с к и й ([Панфилов 1962: 133], см. также [Груздева 1992: 62–63]): существуют формы *t’ana* ‘дай’, *t’ana-wə* ‘дайте’. Более нигде основа *t’ana-* не употребляется; *-wə* – регулярный суффикс 2PI императива, однако форма ед. ч. не имеет обычного императивного показателя 2Sg *-ya*. Помимо этого, существует форма *ta* ‘возьми’ (по-видимому, только ед. ч.), также не имеющая императивных показателей. В.З. Панфилов особо отмечает, что все три формы “могут иметь синтаксические связи в составе предложения и выступать в качестве его члена”, чем и отличаются от междометий:

(3) нивхский

а. <i>T’ый</i>	<i>ōla</i>	<i>t’ana.</i>
снова	ребенок	дать.Imp
‘Дай мне (снова) детеныша’.		
б. <i>Zoia!</i>	<i>Tux</i>	<i>ta.</i>
Зоя	топор	взять.Imp
‘Зоя! Топор возьми’.		

[Панфилов 1962: 132]

Новогреческий [Joseph, Philippaki-Warburton 1989: 15–17, 183]: императив 1PI образуется формой индикатива плюс одна из двух частиц – *va* или *as* (эта же конструкция возможна для всех прочих лиц). Единственный глагол, который не требует обязательного наличия частицы, – глагол ‘идти’: индикативная форма *poide* может означать как ‘мы идем’, так и ‘пойдем!’. Частица может отсутствовать только в утвердительных императивных конструкциях; при отрицании она обязательно присутствует, как и у прочих глаголов.

Н у б и й с к и й [Arnbruster 1960: 246]: две основы встречаются только в формах императива – *ǰibéd* ‘идти’ (причем только в сочетании с местоимением *áigonon* ‘со мной’) и *isa* ‘брат’. Обе основы образуют формы 2PI императива с регулярным суффиксом *-we*.

Н у н г г у б у й ю [Heath 1984: 343–344]: специализированный императив в языке вообще отсутствует. Единственное исключение составляют формы со значением ‘venire’, ср.:

The only explicitly Imperative forms in the language are forms with a 2Sg or other 2nd person pronominal prefix plus /=ani-n’/ (Punctual) or /=ani:-na/ (Continuous) ‘come!’. This is a defective root used only in imperative sense, hence only in these (Future Positive) inflected forms. (Outside of the imperative there is no verb ‘to come’, this notion being expressed by the general motion verb /=ya/ and its variants, plus an appropriate adverb.) ...

The dual forms (этого глагола. – В.Г.) are phonologically irregular ... This phonological irregularity highlights the rather frozen status of these ‘come’ imperatives.

With the exception of ‘come’, no verb formally distinguishes its imperatives from ordinary Future forms (подчеркнуто Дж. Хитом).

Эта же основа употребляется в значении императива 1PI и 3 л., а также с отрицанием [Heath 1984: 343–344].

Р а м а [Grinevald, s.a.: гл. 10, с. 2, 4]: глагол *taak* ‘go’⁹ имеет супплетивную императивную форму *bang* // *mang* (свободные варианты). Это же касается производного от него глагола *yu-taak* ‘брат’ (букв. ‘идти с’): императив *yu-mang* ‘возьми!’.

⁹ В приводимых примерах этот глагол обозначает именно движение от говорящего.

Существуют также две формы: *apai* и *ngarang*; обе могут употребляться изолированно, означая 'пойдем'. Специально отмечается, что *apai* и *ngarang* могут относиться только к 1 л. мн. ч.

Русский литературный язык не имеет нерегулярных императивных форм, однако его диалектные и просторечные варианты демонстрируют как минимум одну такую форму – это *айда* (с более редким множественным числом *айдате*), означающая 'иди сюда' или 'идем'¹⁰.

Суахили [Loogman 1965: 194]: три глагола имеют неправильные формы императива: *lete* (2Pl *leteni*) 'приносить', *nenda* (2Pl *nendeni*) 'иде', *njoo* (2Pl *njoni*) 'вениге'. Императив в суахили употребляется только для категорического повеления, нормально для выражения повеления используется субъонктив; лишь формы трех перечисленных глаголов широко употребляются и не имеют категорического оттенка (ср. выше про игбо).

Супире [Carlson 1994: 520–521]: некоторые "очень употребительные" глаголы, в том числе 'приходить', в имперфективном императиве могут (хотя не должны) употребляться без показателя имперфективного императива:

(4) супире

Má!

come.Impf

'Come!'

Возможно также:

Ta

Imp.Impf

'Come here, please!'

ma

come.Impf

náhá!

here

Какие еще глаголы могут так употребляться, в грамматике не сказано.

Табан [Bowden 1997: 418–425]: язык не имеет особой формы императива; нормальный способ выразить повеление – это просто употребить активную форму глагола. Однако существует один глагол, который употребляется только в императивных конструкциях: это *mo* 'come here!' (ср. выше о нунгубуйю).

Тамазигт [Loubignas 1924: 158–159]: форма 2Pl м. р. императива образуется прибавлением к основе одного из двух суффиксов: *-aï* и *-iu*. Первый употребляется с абсолютным большинством глаголов; второй – лишь с несколькими глаголами и императивными частицами ("termes impératifs"), а именно с глаголами 'вениге', 'вставать', 'снимать лагерь' (с последним – спорадически) и с частицами *đri* 'быстрее!' ('fais vite'; 2Pl.m *đriu*), *arra* 'дай' (из арабского; 2Pl.m *arriu*) и *ïallah* 'пошли' (также из арабского; 2Pl.m *ïallhiu*). Формы женского рода множественного числа образуются в соответствии с мужским: суффиксом *-(e)nn* при *-aï* в мужском и *-inn* при *-iu* в мужском.

Хайда [Swanton 1969 (ed.): 250–251]: примеры на форму *hala'*, которая трактуется как междометие, но используется как императив со значением 'иди сюда'.

Хакалтек [Day 1973: 32]: глагол *tita* 'вениге' имеет супплетивную форму императива *cata*.

Харароромо [Owens 1985: 67]: глагол 'вениге' имеет супплетивную основу *xoot-*: 2Sg *xoot-uu*, 2Pl *xoot-aa* (окончания регулярны).

Хуса [Смирнова, Добронравин 1992: 179, сн. 3]: одним из способов выражения императива, в том числе в 2Sg, является использование субъонктивных форм, включающих показатель времени-наклонения и лица-числа-рода субъекта, например, 2Sg *tafi //*

¹⁰ По М. Фасмеру, это заимствование из татарского *aida*, *äidä* 'понукающий, подгоняющий окрик' ([Фасмер 1986–1987, I: 64], ср. также [Аникин 2000: 78]). Форма *ajda* именно в значении 'пойдем' или 'иди сюда' распространена во многих тюркских и других языках Поволжья и соседних районов, в частности, в чувашском, удмуртском и др.

ka tafi (м. р.) // *ki tafi* (ж. р.) ‘иди’. Этот показатель всегда стоит перед глаголом, за одним исключением: с глаголом *je* (форма от основы *za* ‘venire’) порядок может быть нарушен: *je ka* ‘иди’.

Х и ш к а р ь я н а [Derbyshire 1979: 17–18]: существуют дефектные формы для значения ‘пойдем!’: *ipaha* (для одного адресата)/*ipatxowi* (для многих адресатов). Регулярные формы 1PI императива от глагола ‘идти’ также возможны, но употребляются реже.

Ч а л к а т о н г о м и ш т е к [Macaulay 1996: 134–136]: основа *kii*- ‘venire’, наряду с регулярной формой, имеет (только в положительном императиве) супплетивную форму *ñá ÿá*. Также супплетивные формы имеют глаголы ‘брать’ и ‘приносить’. Кроме этого, оба глагола со значением ‘ire’ (‘идти в определенном направлении’ и ‘идти в неопределенном направлении’) в императиве принимают высокий тон; насколько можно судить, нигде больше в глагольной системе такое чередование тонов не засвидетельствовано. Наконец, существует особая форма *čó?o* ‘let’s go’. Она может употребляться отдельно, означая ‘пойдем’ или вместе с другим глаголом, означая, по удачному выражению автора грамматики, “a generic hortative”, и может сокращаться до *čó*.

Э к а р и [Drabbe 1952: 62]: нерегулярный императив имеет глагол ‘venire’ (‘komen’).

Ю ч и [Wagner 1933–1938: 354]: императив 1PI нормально образуется префиксом 1PI инклюзива, основой и суффиксом *-wɔ* (употребляется для императивов 1 и 3 л.), ср. форму *ɔ-la-wɔ* ‘давай поедим’, где *ɔ* – префикс 1PI.incl, *-la-* – основа глагола ‘есть’. Есть, однако, неправильная форма *nɔ-fe’-nə* ‘пойдем’; здесь *-fe-* – регулярная основа глагола ‘идти’ для мн. ч. субъекта; *nɔ-* – префикс 1PI эксклюзива (тем не менее, форма употребляется, насколько можно судить, инклюзивно), суффикс *-nə* автору грамматики неясен.

4. ВЫВОДЫ

4.1. Всего нерегулярные императивные формы засвидетельствованы в 46 языках нашей выборки, что составляет 23 процента имеющегося у нас материала. Поскольку разного рода нерегулярные, супплетивные или дефектные формы обычно фиксируются в описаниях, можно предполагать, что эта цифра достаточно близка к действительности. 23% – достаточно большая доля, учитывая, что другие глагольные граммы не обнаруживают подобной склонности к нерегулярности (во всяком случае, нам неизвестно, чтобы какие-либо временные, аспектуальные или лично-числовые формы в разных языках оказывались нерегулярными с таким же или большим постоянством).

Формальные типы нерегулярности разнообразны. Помимо дефектных и супплетивных основ, собственно нерегулярные формы могут являться результатом стяжения основы и суффикса либо всей формы целиком с указательной частицей; могут требовать особого императивного показателя или допускать его опущение; наконец, отличия могут заключаться в употреблении (как в суахили и игбо, где только некоторые глаголы могут использоваться в императиве для нормального, не слишком категорического повеления). Однако несмотря на формальное разнообразие, значения глаголов, которые в императиве оказываются нерегулярными, оказываются одними и теми же.

В приводимой ниже табл. 2 показано, в каком количестве языков то или иное значение выражается нерегулярной, супплетивной или дефектной формой. Мы не учитываем значения, выражаемые нерегулярными, дефектными или супплетивными формами в одном или в двух языках нашей выборки (т.е. не более, чем в одном проценте языков; такая нерегулярность может быть случайностью). Если в каком-либо языке то или иное значение разбивается на несколько и выражается разными глаголами (как, например, в капау ‘come’, ‘come by going up’, ‘come by going level’ и ‘come by going down’), мы считаем их все за одно значение (‘venire’ в нашем случае). Также не учитываются производные от нерегулярных глаголов, если они сохраняют эту нерегулярность (как *yutaak*, императив *yutang* ‘брать’ в рама, который является производным от *taak*, императив *mang* ‘идти’). Если же нерегулярный глагол имеет несколько значений, он учитывается соответственно несколько раз.

Значения	Нерегулярные формы	Супплетивные формы	Дефектные формы	Всего	В %
'venire'	16	9	6	31	15,5
'ire'	6	3	2	11	5,5
'идти' ¹¹	2	2		4	2
'давать'	2	1	5	8	4
'брат'	2		5	7	3,5
'принести'	4			4	2
'есть'	2	1	1	4	2
'смотреть'	4			4	2
'пойдем'	3	1	11	14	7

Мы видим, что при всем формальном разнообразии нерегулярных императивов почти в двухстах рассмотренных языках, значений, которым свойственна нерегулярность в императиве, совсем немного.

Несомненным "лидером" является значение 'идти к говорящему'. В 15,5% случаев форма, означающая 'иди сюда', в той или иной степени нерегулярна. При этом во многих языках формы со значением 'иди сюда' – наиболее нерегулярные среди императивных форм: это либо просто единственный нерегулярный императив в языке (как, например, в экари), либо единственный супплетивный (как в харар оромо или в венгерском), либо, как в корейском, он нерегулярен "в той же степени", что другие глаголы, но "по-другому" (подавляющее большинство глаголов образуют императив с суффиксом *-ра*, несколько – с суффиксом *-кэра*, и только глагол со значением 'venire' требует суффикса *-нэра*). В грузинском, нунггубуй и таба 'иди(те) сюда' – вообще единственные специализированные императивные формы в языке.

Прочие значения следуют за 'venire' с большим отрывом. Антонимы 'venire', глаголы со значением 'ire', нерегулярны в 5,5% языков. Есть, кроме этого, глаголы 'идти' (всего три языка), которые, возможно, на самом деле распределяются между 'venire' и 'ire'.

Значение 'смотреть' оказалось нерегулярным всего в четырех языках (во всех случаях это простая нерегулярность, не супплетивность или дефектность). Однако еще в одном языке (в коасати) есть супплетивная форма глагола 'hear, listen', а в описании лахота говорится про дефектную основу, которая употребляется "in calling attention of someone". Речь идет на самом деле о двух близких значениях – о привлечении внимания слушающего к самому говорящему или к какому-то объекту, на который указывает говорящий. Разумеется, это то же значение, что у русского *эй*, которое по формальным причинам мы считаем междометием, а не императивной формой (см. пункт 2.3), и у подобных частиц в других языках. Объединив эти формы в один класс, мы получим шесть языков (3%), которые используют нерегулярную глагольную форму императива для привлечения внимания собеседника, плюс неизвестное нам число языков, имеющих предназначенные для этой цели междометия¹².

¹¹ Напомним, что в значение 'идти' попали глаголы, которые не различают движение к и от говорящего. Сюда же могли попасть и глаголы, различающие направление движения, – вследствие недостатка имеющейся у нас информации.

¹² Сюда же можно добавить и русское *глянь*. Объединение двух указанных значений в одно является на самом деле огрублением реальной картины, но оно основано на общности их основного компонента – привлечения внимания слушающего.

Также близки значения ‘дай’ (4%) и ‘принеси’ (2%) – в некоторых случаях можно предположить, что перед нами просто разные переводы означающих одно и то же форм.

Императив от ‘брать’ выражается нерегулярно в семи языках (3,5%). Однако здесь опять же следует учитывать многочисленные междометия типа русского *на*. Это формы, которые произносятся в момент передачи предмета от говорящего слушающему, как сопровождение жеста передачи.

4.2. Нерегулярные формы 1PI встречаются в 14 языках (7% от выборки). Примечательно, что все эти формы имеют одно и то же значение – ‘пойдем’; кроме того, среди них очень велика доля дефектных основ. Заметим, что мы не включаем сюда устойчивые и идиоматические конструкции с тем же значением – такие, как английское *off we go* или французское *on y va*; такие конструкции также весьма распространены, и общее количество языков, так или иначе выделяющих это значение, существенно больше семи процентов.

Отметим также, что формы со значением ‘пойдем’ часто грамматикализуются как показатели 1PI императива, безотносительно к значению глагола; см. хотя бы в разделе 3 про чалкатонго миштек. Еще один пример мы находим в цахурском: значение императива 1PI (“гортатива”) выражается формой потенциалиса, которая в этом значении часто употребляется с частицей *dora*; та же частица может употребляться самостоятельно в значении ‘пойдем’ и, более того, имеет явное сходство с императивами от глаголов ‘*ire*’ и ‘*venire*’ [Кибрик (ред.) 1999: 285].

4.3. Для описания круга значений, нерегулярно выражаемых в императиве, удобно использовать понятие “прототипической ситуации” использования языка – ситуации диалога, в котором участвуют только два человека, говорящий и слушающий, которые переговариваются без применения каких-либо технических средств (т.е. находятся в одном и том же месте). Если верно, что нерегулярными, как принято считать, бывают наиболее частотные формы, то оказывается, что типичными действиями, выполнения которых говорящий может потребовать от слушающего, являются: подойти, уйти, дать что-либо, взять что-либо, обратить внимание на говорящего или на какой-либо объект, указанный говорящим. Учитывая, что в прототипической ситуации говорящий и слушающий должны находиться вместе, приход собеседника равнозначен установлению контакта, а уход означает его прекращение. Получается, что нерегулярные императивы соответствуют самым элементарным типам взаимодействия между двумя людьми: это установление контакта (сюда же относятся формы привлечения внимания), прекращение контакта и передача некоторого объекта от слушающего говорящему или наоборот¹³.

Неожиданным выглядит присутствие в списке нерегулярных императивов значения ‘ешь!’. В качестве гипотезы можно предположить, что если передача чего-либо от говорящего слушающему является одним из типичных случаев их взаимодействия, то эта – это типичный объект передачи. Иными словами, *ешь!* – это частный, но при этом наиболее важный частный случай *на!*, и эта форма сопровождает “угощение” собеседника. Ср. венгерское *nesze*, которое означает и ‘на!’, и, более узко, ‘ешь!’. Это предположение находит подтверждение на совершенно ином материале. Анализируя выражение категории притяжательности в древнеиндийской традиции, В. Н. Топоров приходит к выводу, в частности, что «еда, пища выступает как первый элемент в том ряду “присвоенных ценностей”, где далее появляются недвижимая собственность – дом, земля; движимая собственность – скот, средства передвижения; дети, семья, род, племя, народ; мысли, чувства, желания и т.д.» [Топоров 2004: 167 и др.]. Если пища – это прототипический объект обладания (поскольку она теснее всего “присваивается” –

¹³ Ровно об этих четырех основных значениях – ‘иди сюда’, ‘дай’, ‘возьми’ и ‘уйди’ – в африканских языках говорит Д. Козн в упоминавшейся выше работе, см. [Cohen 1984].

съедается), то 'ешь!' – это прототипический случай 'возьми!'; тогда становится понятно, почему некоторые языки особенно выделяют соответствующую форму¹⁴.

Обращает на себя внимание высокая частота нерегулярных форм со значением 'иди сюда!'. Она объяснима, если предположить, что повеление подойти на самом деле означает призыв к установлению контакта. Эти же формы часто десемантизируются, употребляясь вместе с полнозначным императивным глаголом.

Единственным прототипическим случаем совместного действия говорящего и слушающего оказывается совместное движение куда-либо. В 7% языков значение 'пойдем' выражается нерегулярной формой, причем в 5,5% – это дефектная форма. Часто подобные формы десемантизируются, начиная употребляться вместе с полнозначным глаголом и превращаясь в показатель императива 1PI.

4.4. Из сказанного в предыдущем пункте следует, что нерегулярные императивы и близкие к ним императивные междометия должны употребляться прежде всего или исключительно "здесь и сейчас", в ситуации непосредственного взаимодействия говорящего и слушающего. Это хорошо видно на примере междометий типа *на*: *на* и его соответствия в других языках употребляются только как сопровождение жеста давания.

Для императивов от 'давать' также наиболее типична ситуация передачи чего-либо говорящему. В вардаман именно форма 'дай мне' оказывается нерегулярной. В печорском диалекте коми глагол 'давать' имеет регулярный императив 2Sg *š'et*, который, однако, может употребляться только с адресатом 3 л. В значении 'дай мне' используется форма *vaj* (императив от 'принести'¹⁵; М.Э. Чумакина, личн. сообщ.):

(5) коми

а. <i>š'et</i> /* <i>vaj</i>	<i>syly</i>
дать.Impr.2Sg	он.Dat
'дай ему'	
б. * <i>š'et</i> / <i>vaj</i>	<i>menym</i>
дать.Impr.2Sg	я.Dat
'дай мне'	

Ср. также упоминавшиеся выше монгольские императивы *май* и *аль* // *алив*, которые подразумевают, что одним из участников должен быть говорящий. Употребление разных основ в зависимости от лица адресата достаточно характерно для глагола 'дать' [Комри 2004], однако в упомянутых случаях супплетивизм имеет место только в императиве¹⁶.

Существуют, разумеется, случаи, когда нерегулярные императивы расширяют свое значение. Венгерскую супплетивную форму *gyere* 'иди сюда', наряду с регулярной *jöjj*, можно использовать и когда собеседник находится на значительном расстоянии (при-

¹⁴ Ср. еще: "Процесс еды – наиболее наглядный пример притяжания-усвоения, самый органический способ пресуществления ее в тело, исходную собственность человека" [Топоров 2004: 191]. Для нас естественно понимание обладания как состояния. В этом случае еда действительно не выделяется из ряда прочих предметов, которыми можно обладать: если она еще не съедена, она легко может быть отчуждена; если же она уже съедена, то она больше не представляет собой отдельный объект, и говорить об обладании ею бессмысленно. При динамическом же понимании притяжательности (по-видимому, более архаичном – см. указанную работу В.Н. Топорова), при котором подчеркивается момент присвоения, выделение пищи как того, что присваивается наиболее тесно, вполне естественно (ср. хотя бы упомянутое русское *усваивать* о пище, а также о знаниях). Очевидно, что в контексте императива важен именно момент передачи некоего объекта, т.е. динамический аспект.

¹⁵ Ср. выше о том, что 'принеси' можно рассматривать как разновидность 'дай'.

¹⁶ Еще один пример различения лица адресата у глагола 'дать' только в императиве приводится в этой же работе Б. Комри – из языка ао [Комри 2004: 197].

мер ба), и в весьма отвлеченном смысле (6б), хотя в последнем случае призыв будет звучать комично из-за очевидно разговорного оттенка *gyere*. В общем, допустимо даже употребление *gyere* в идиомах (6в)¹⁷.

(6) венгерский

- а. *Jöj-j-Ø* *el* // *gyere* *hozzá-nk Budapest-re.*
venire-Imp-2Sg.s Prev // *venire.Imp.2Sg* к-1Pl Будапешт-Superlat
 ‘Приезжай к нам в Будапешт’.
- б. *Jöj-j-Ø* *el* // *gyere,* *szabadság!*
venire-Imp-2Sg.s Prev // *venire.Imp.2Sg* свобода
 ‘Приди, свобода!’ (вариант с *jöjj* – из стихотворения А. Йожефа).
- в. *Jöj-j-Ø* // *gyere* *hozzá-m feleség-ül.*
venire-Imp-2Sg.s // *venire.Imp.2Sg* к-1Sg жена-Ess
 ‘Выходи за меня замуж’.

4.5. С формальной точки зрения нерегулярные императивы делятся на два больших класса. С одной стороны, это регулярные по своему происхождению глагольные формы, которые стали нерегулярными – например, в результате стяжения основы и суффикса, как *táji* из *tata* + *xi* в вари, или в результате иных процессов, вплоть до сдвига в употреблении, как в игбо или суахили. С другой – это междометия или частицы, которые приобретают некоторые глагольные свойства – например, сочетаются с личными показателями (ср. статью Козна [Cohen 1984], который говорит о дейктическом происхождении афразийских супплетивных императивов).

Вряд ли эти два процесса можно свести к общему знаменателю. Скорее наоборот – перед нами встречные процессы.

На одном из полюсов находятся полностью регулярные глагольные формы; на другом – чисто дейктические междометия, не имеющие никаких глагольных черт. Известно, что наиболее употребительные формы чаще всего оказываются неправильными. С другой стороны, иметь в языке особые междометия или частицы, строго ограниченные ситуацией “здесь и сейчас”, видимо, оказывается нецелесообразным. В результате этих двух факторов формы с интересующими нас значениями стремятся от двух полюсов к некоторому промежуточному состоянию, которое, видимо, и является наиболее устойчивым, – состоянию, среднему между междометием и глаголом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин 2000 – А.Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000.
- Балашша 1951 – Й. Балашша. Венгерский язык. М., 1951.
- Бирюлин, Храковский 1992 – Л.А. Бирюлин, В.С. Храковский. Повелительные предложения: проблемы теории // В.С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
- Груздева 1992 – Е.Ю. Груздева. Повелительные предложения в нивхском языке // В.С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
- Кибрик (ред.) 1999 – А.Е. Кибрик (ред.) Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999.
- Козинцева 1992 – Н.А. Козинцева. Повелительные предложения в армянском языке // В.С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
- Комри 2004 – Б. Комри. Супплетивизм по отношению к грамматическому лицу реципиента при глаголе ‘дать’ // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М., 2004.
- Кузьменков 1992 – Е.А. Кузьменков. Императив в монгольском языке // В.С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций. СПб., 1992.

¹⁷ Приводимыми здесь венгерскими примерами мы обязаны И. Границу.

- Мельчук 2001 – *И.А. Мельчук*. Курс общей морфологии. Т. IV. М.; Вена, 2001.
- Панфилов 1962 – *В.З. Панфилов*. Грамматика нивхского языка. М.; Л., 1962.
- Смирнова, Добронравин 1992 – *М.А. Смирнова, Н.А. Добронравин*. Повелительные конструкции в языке хауса // В.С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
- Топоров 2004 – *В.Н. Топоров*. О категории притяжательности. I. К проблеме становления. II. Древнеиндийский ракурс // В.Н. Топоров. Исследования по этимологии и семантике. I. М., 2004. С. 119–195.
- Фасмер 1986–1987 – *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.
- Холодович 1954 – *А.А. Холодович*. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954.
- Храковский, Володин 1986 – *В.С. Храковский, А.П. Володин*. Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986.
- Arensen 1982 – *J. Arensen*. Murle Grammar. 2. Juba (Sudan), 1982.
- Armbruster 1960 – *C.H. Armbruster*. Dongolese Nubian. Cambridge, 1960.
- Bender 1996 – *L.M. Bender*. Kunama. München; Newcastle, 1996.
- Benkő 1993 – *L. Benkő* (Hrsg.). Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Budapest, 1993.
- Boas, Deloria 1941 – *F. Boas, E. Deloria*. Dakota grammar. Washington, 1941.
- Bowden 1997 – *J. Bowden*. Taba (Makian Dalam): Description of an Austronesian Language of Eastern Indonesia. Ph. Diss. University of Melbourne, 1997.
- Carlson 1994 – *R. Carlson*. A grammar of Supyire. Berlin; New York, 1994.
- Carstairs-McCarthy 1994 – *A. Carstairs-McCarthy*. Suppletion // R.E. Asher (Ed.). Encyclopedia of Language and Linguistics 8. Oxford, 1994.
- Caubet 1993 – *D. Caubet*. L'arabe marocain. Paris; Louvain, 1993.
- Cohen 1984 – *D. Cohen*. "Viens!", "Donne!" etc.: impératifs deictiques // Études chamito-sémitiques. XXVIII. 1984.
- Davies 1981 – *J. Davies*. Kobon. Amsterdam, 1981.
- Day 1973 – *C. Day*. The Jacalteco language. The Hague, 1973.
- Derbyshire 1979 – *D.C. Derbyshire*. Hixkaryana. Amsterdam, 1979.
- Doke 1927 – *C.M. Doke*. Text Book of Zulu Grammar. Johannesburg, 1927.
- Donaldson 1980 – *T. Donaldson*. Ngiyambaa: The language of the Wangaaybuwan. Cambridge; London, 1980.
- Drabbe 1952 – *P. Drabbe*. Spraakkunst van het Ekagi. Den Haag, 1952.
- Dryer et al. (eds.) 2003 – *M. Dryer, M. Haspelmath, D. Gil, B. Comrie* (eds.). World Atlas of Linguistic Structures. Oxford, 2003.
- Endzelin 1922 – *J. Endzelin*. Lettische Grammatik. Riga, 1922.
- Everett, Kern 1997 – *D.L. Everett, B. Kern*. Wari'. The Paacas Novos language of Western Brazil. London; New York, 1997.
- Green, Igwe 1963 – *M.M. Green, G.E. Igwe*. A descriptive grammar of Igbo. Berlin; London, 1963.
- Grinevald s. a. – *C. Grinevald*. A grammar of Rama. s. a.
- Haspelmath 1993 – *M. Haspelmath*. A grammar of Lezgian. Berlin; New York, 1993.
- Heath 1984 – *J. Heath*. Functional grammar of Nunggubuyu. Canberra, 1984.
- Hippisley et al. 2004 – *A. Hippisley, M. Chumakina, G. Corbett, D. Brown*. Suppletion: Frequency, categories and distribution of stems // Studies in Language 2004. 28: 2.
- Horton s. a. – *A.E. Horton*. A grammar of Luvale: A Bantu language of the West-Central zone, spoken in the area of the junction of Angola, Northern Rhodesia and the Belgian Congo. Johannesburg, s. a.
- W. Jones, P. Jones 1991 – *W. Jones, P. Jones*. Barasano Syntax. s. l. 1991.
- Joseph, Philippaki-Warburton 1989 – *B.D. Joseph, I. Philippaki-Warburton*. Modern Greek. London; New York, 1989.
- Kimball 1991 – *G. Kimball*. Koasati grammar. Lincoln (Nebraska), 1991.
- Loogman 1965 – *A. Loogman*. Swahili grammar and syntax. Louvain, 1965.
- Lorimer 1935 – *D.L.R. Lorimer*. The Burushaski grammar. V. I: Introduction and grammar. Oslo, 1935.
- Lotz 1939 – *J. Lotz*. Das Ungarisches Sprachsystem. Stockholm, 1939.
- Loubignac 1924 – *V. Loubignac*. Étude sur le dialecte berbère des zaïan et Aït Sgougou. 1-re section: Grammaire. s.l., 1924.
- Macaulay 1996 – *M. Macaulay*. A grammar of Chalcatongo Mixtec. Berkeley; Los Angeles; London, 1996.
- Merlan 1994 – *F.C. Merlan*. A grammar of Wardaman, a language of the Northern territory of Australia. Berlin; New York, 1994.

- Mous 1992 – *M.P.G.M. Mous*. A grammar of Iraqw. Proefschrift... Leiden, 1992.
- Oates W., Oates O. 1968 – *W. Oates, O. Oates*. Kapau pedagogical grammar. Canberra, 1968.
- Owens 1985 – *J. Owens*. A grammar of Harar Oromo (Northeastern Ethiopia): Including a text and a glossary. Hamburg, 1985.
- Reh 1985 – *M. Reh*. Die Krongo-Sprache (N̄ino mó-dì). Beschreibung, Texte, Wörterverzeichnis. Berlin, 1985.
- Rupp 1989 – *J.E. Rupp*. Lealao Chinantec syntax. s.l., 1989.
- Sridhar 1990 – *S.N. Sridhar*. Kannada. London, 1990.
- Swanton 1962 – *J.R. Swanton*. Haida // F. Boas (ed.). Handbook of Indian Languages. I. New York, 1969.
- Tuggy 1979 – *D.H. Tuggy*. Tetelcingo Nahuatl // R.W. Langacker (ed.). Studies in Uto-Aztecan grammar. V. II: Modern Aztec Grammatical Sketches. Dallas; Arlington: Summer Institute of Linguistics; University of Texas, 1979.
- van Eeden 1956 – *B.I.C. van Eeden*. Zoeloe-grammatika. Stellenbosch; Grahamstad, 1956.
- Vogt 1971 – *H. Vogt*. Grammaire de la langue géorgienne. Oslo, 1971.
- Wagner 1933–1938 – *G. Wagner*. Yuchi // F. Boas (ed.). Handbook of American Indian Languages. V. III. s. 1, 1933–1938.